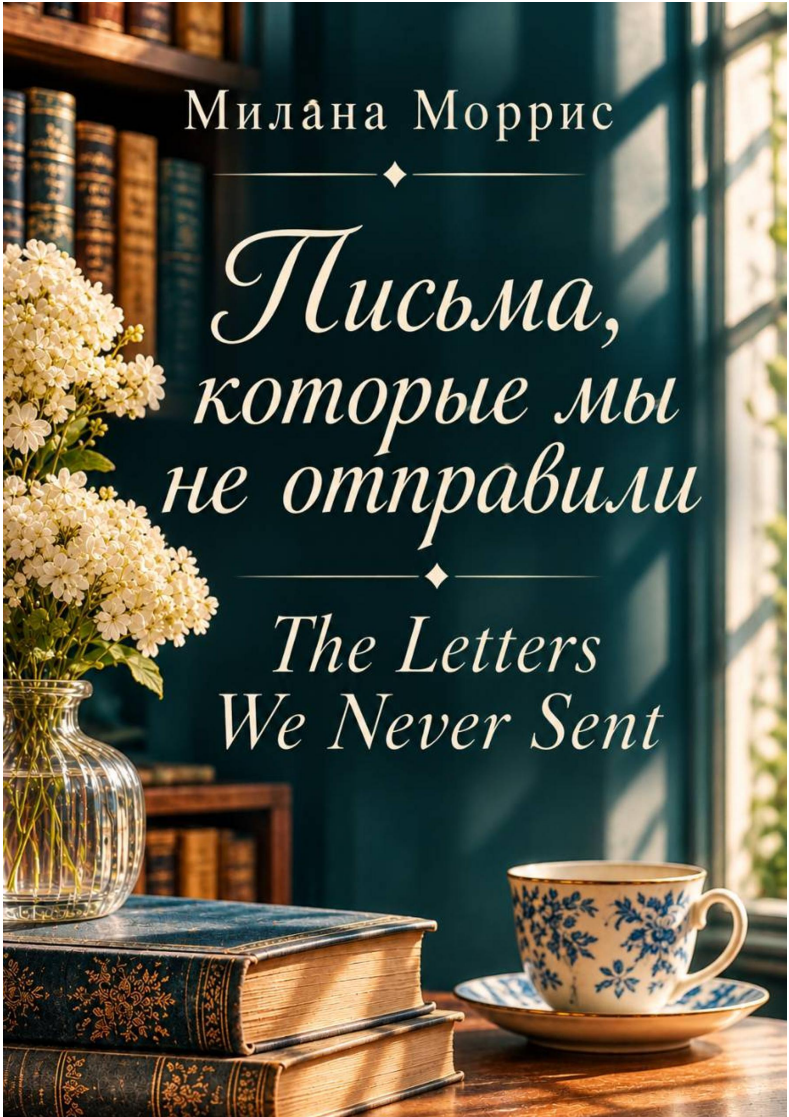

Милана Моррис
Письма, которые мы не отправили
The Letters We Never Sent

Милана Моррис

Письма, которые мы не отправили

https://litres.ru/74737457
SelfPub; 2026

Аннотация

Иногда самые важные слова остаются на бумаге — в письмах, которые так и не нашли своего адресата.

Тридцатисемилетняя Изабель Моро привыкла редактировать чужие истории, тщательно скрывая собственные чувства и давно забытые мечты. Но неожиданная поездка из Парижа в Порту меняет привычный ход её жизни. Работая с архивом старинной переписки, Изабель узнаёт историю Элен и Луиша — двух людей, чья любовь на протяжении многих лет оставалась между строк.

Постепенно чужие письма открывают семейные тайны, заставляют пересмотреть прошлое и задают вопросы, от которых больше невозможно уклоняться. Знакомство с владельцем книжного магазина Томой и непростой разговор с человеком, с которым она прожила много лет, становятся для Изабель началом внутреннего выбора.

Можно ли изменить свою жизнь, не перечеркнув прошлое? И сколько времени мы теряем, откладывая собственное счастье?

Это история о любви, памяти, несказанных словах и смелости наконец услышать себя.

Содержание

Глава 1. Жизнь между чужими словами 5
Глава 2. Город, в котором меня никто не знал 22
Глава 3. Письма без адреса 40
Глава 4. Мужчина из книжного магазина 56
Конец ознакомительного фрагмента. 60

Милана Моррис
Письма, которые мы не отправили

Глава 1. Жизнь между чужими словами

В тот вечер Париж казался особенно красивым.

Дождь закончился незадолго до заката, оставив на тротуарах тонкий блеск, в котором отражались огни витрин и фар проезжающих автомобилей. На балконах старых домов темнели силуэты растений, а из открытых окон доносились голоса, музыка и звон посуды. Город жил своей привычной жизнью, не замечая, что в одной из квартир на левом берегу Сены женщина уже несколько месяцев не могла ответить себе на простой вопрос: счастлива ли она?

Я стояла у окна с бокалом белого вина и смотрела на улицу.

На кухне Адриен разговаривал по телефону. Я слышала его спокойный голос, отдельные фразы о встрече с партнёрами, сроках и каком-то новом проекте. Он говорил уверенно, как всегда. В его жизни многое было устроено правильно:

работа, квартира, друзья, планы на отпуск, ужины по пятницам. Даже наши отношения, если смотреть со стороны, вполне соответствовали представлению о благополучии.

Мы вместе уже почти пять лет.

За это время я привыкла к его привычкам, знала, какой кофе он заказывает утром, какие новости читает за завтраком и почему никогда не кладёт ключи в одно и то же место. Он знал, что я не люблю слишком яркий свет, что по воскресеньям мне хочется долго гулять и что в моменты усталости я предпочитаю молчать.

Мы знали друг о друге достаточно много, чтобы жить вместе без особых затруднений.

Но иногда мне казалось, что именно в этом и заключалась наша проблема.

Мы научились не мешать друг другу.

Я работала литературным редактором в парижском издательстве. Почти пятнадцать лет моя жизнь состояла из рукописей, корректур, переговоров с авторами и бесконечных обсуждений того, каким должно быть хорошее предложение. Я умела находить лишние слова, замечать неточности и возвращать тексту его первоначальный смысл.

С чужими историями мне было проще, чем с собственной.

Когда-то я мечтала писать книги. Не редактировать их, не помогать другим авторам доводить рукописи до совершенства, а создавать свои истории. Я даже начинала несколько раз. В ящике письменного стола до сих пор лежала папка

с первыми главами романа, который я написала в тридцать лет.

Тогда мне казалось, что однажды я обязательно к нему вернусь.

Потом появилась работа, затем отношения, совместные поездки, планы, обязательства. Я всё время находила причины отложить собственное желание на более подходящий момент.

Подходящий момент так и не наступил.

— Изабель?

Я обернулась.

Адриен стоял в дверях кухни, убирая телефон в карман.

— Ты давно здесь стоишь?

— Не знаю. Минут десять.

Он подошёл ко мне и поцеловал в висок.

— Я заказал столик на завтра. Помнишь, мы хотели сходить в тот итальянский ресторан возле площади Мадлен?

— Помню.

— В восемь. Я забронировал столик у окна.

— Хорошо.

Он улыбнулся.

— Ты сегодня какая-то задумчивая.

— Просто устала.

— Опять много работы?

Я кивнула.

Это было не совсем неправдой. Последние недели дей-

ствительно выдались напряжёнными. В издательстве готовили к выходу сразу несколько книг, один из авторов требовал срочных изменений, а руководство решило пересмотреть сроки выпуска осеннего каталога.

Но дело было не только в работе.

— Может, возьмём отпуск? — предложил Адриен. — Я давно не был в Италии. Можно провести неделю на озере Комо.

— Ты ведь говорил, что осенью у тебя важная конференция.

— Её перенесли. Теперь у меня свободны две недели в сентябре.

Я посмотрела на него.

— Две недели — это хорошо.

— Тогда решено?

Он произнёс это с такой лёгкостью, словно вопрос уже был закрыт.

Я улыбнулась.

— Давай посмотрим даты.

Адриен вернулся на кухню. Я осталась у окна.

Возможно, именно так и выглядит жизнь, которая постепенно перестаёт принадлежать тебе. Не происходит ничего ужасного. Никто не кричит, не хлопает дверью, не произносит жестоких слов. Просто однажды ты обнаруживаешь, что почти все решения принимаются по инерции.

И ты сама давно перестала спрашивать себя, чего хочешь.

На следующий день в издательстве было шумно.

В коридорах пахло свежим кофе и бумагой. На столах лежали стопки рукописей, редакторы обсуждали обложки, а в переговорной кто-то спорил о размере тиража.

Я пришла раньше обычного и успела просмотреть несколько страниц нового романа, прежде чем меня позвала директор редакционного отдела.

— Изабель, у тебя есть минутка?

Клэр Дюваль стояла возле двери с планшетом в руках. Она руководила международными проектами и обычно появлялась в нашем отделе только тогда, когда речь шла о правах на иностранные издания или совместных публикациях.

— Конечно.

Мы прошли в небольшую переговорную.

— У меня есть предложение, — начала Клэр. — И, думаю, тебе оно может быть интересно.

Я отложила блокнот.

— Слушаю.

— Несколько месяцев назад мы получили запрос от частного фонда в Португалии. Они собираются подготовить к публикации семейный архив переписки. Очень интересный материал, но там нужна серьёзная редакторская работа. Письма написаны на португальском и французском, часть документов датируется ещё серединой прошлого века.

— И что от меня требуется?

— На несколько месяцев отправиться в Порту. Там на-

ходится основная часть архива. Нужно будет работать непосредственно с документами, выстроить хронологию, определить, какие письма можно включить в издание, а какие требуют дополнительного контекста.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Почему именно я?

— Потому что ты умеешь работать с личными текстами. Не только исправлять язык, но и понимать, что человек хотел сказать. Кроме того, у тебя хороший французский и достаточно опыта с иностранными материалами.

— А кто занимается архивом сейчас?

— Женщина по имени Мария. Она передала документы фонду и будет помогать тебе. Ей семьдесят два года. Судя по всему, история этой переписки для неё очень важна.

Клэр сделала небольшую паузу.

— Есть ещё один человек, который будет работать с тобой на месте. Тома Алмейда. Он владеет небольшим книжным магазином в Порту, хорошо знает историю города и помогает фонду с каталогизацией старых изданий.

Я записала имена.

— Когда нужно ехать?

— Желательно в следующем месяце. Проект рассчитан примерно на три месяца, возможно, немного дольше.

Я молчала.

Порту.

Я бывала в Португалии однажды, много лет назад. Мы с

подругой провели несколько дней в Лиссабоне, но до северной части страны тогда так и не добрались. Я помнила фотографии моста через Дору, разноцветные фасады домов, старые трамваи и узкие улицы, уходящие к реке.

Но дело было не только в городе.

— Ты заинтересовалась? — спросила Клэр.

— Да. Очень.

— Тогда я пришлю подробности. Не торопись с ответом, но нам желательно знать решение до конца недели.

Я поблагодарила её и вернулась к своему столу.

Передо мной лежала рукопись, которую нужно было закончить к пятнице. Я открыла документ, прочитала первую страницу и поймала себя на том, что думаю о Порту.

Три месяца.

Новый город, незнакомые люди, работа, которая обещала быть совсем не похожей на привычную редактуру.

И возможность хотя бы ненадолго выйти из собственной жизни.

Я не знала, почему эта мысль показалась мне такой привлекательной.

Вечером мы с Адриеном ужинали в ресторане.

Он рассказывал о предстоящей конференции, о встрече с инвесторами и о том, что его коллега собирается переехать в Лион. Я слушала, задавала вопросы, иногда улыбалась.

Потом рассказала о предложении из издательства.

— В Порту? — переспросил он.

— Да. На три месяца. Возможно, немного дольше.

Адриен отложил вилку.

— Это неожиданно.

— Я тоже так думаю.

— А что за проект?

Я объяснила ему суть работы, рассказала о фонде, семейной переписке и необходимости подготовить документы к публикации.

Он выслушал меня внимательно.

— Звучит интересно. Но три месяца — довольно долго.

— Я понимаю.

— А что с твоими проектами здесь?

— Часть можно передать коллегам. Остальное я смогу вести дистанционно.

Адриен задумался.

— Ты действительно хочешь поехать?

Я посмотрела на него.

— Кажется, да.

Он улыбнулся, но в его взгляде появилось беспокойство.

— Я не против, Изабель. Просто мы давно ничего подобного не планировали.

— Именно поэтому мне хочется попробовать.

— Ты ведь понимаешь, что я не смогу провести там всё время с тобой?

— Конечно.

— У меня работа. И у тебя будет работа. Мы можем редко

видеться.

— Адриен, это всего три месяца.

Он кивнул, но не стал продолжать разговор.

Через некоторое время он заговорил о предстоящем отпуске и предложил перенести поездку на октябрь.

Я согласилась обсудить это позже.

Но впервые за долгое время мне хотелось не искать компромисс, а понять, действительно ли я хочу того, о чём меня просят.

В субботу я поехала к матери.

Она жила в небольшом доме в пригороде Парижа, в районе, где улицы были обсажены деревьями, а по выходным на балконах сушилось бельё. После смерти отца мать почти не меняла привычный уклад жизни. Она по-прежнему ходила в одну и ту же булочную, покупала цветы по четвергам и каждое воскресенье звонила сестре в Лион.

Когда я приехала, она поливала растения на террасе.

— Ты поздно, — сказала она, обнимая меня.

— На дороге была пробка.

— Я приготовила обед. Надеюсь, ты не ела по дороге.

— Нет, мама.

Она внимательно посмотрела на меня.

— Ты похудела.

— Не думаю.

— Я думаю.

Я улыбнулась.

Мать умела замечать перемены, которые я сама предпочитала не замечать.

Мы пообедали в небольшой столовой. Она приготовила запечённую рыбу с овощами, а на десерт подала яблочный пирог, который отец особенно любил.

— Как Адриен? — спросила она.

— Хорошо. Много работает.

— А вы?

Я подняла глаза.

— Что мы?

— Вы с Адриеном. Всё хорошо?

Я улыбнулась.

— Да, мама. Всё нормально.

Она не стала спорить, но я заметила, что мать смотрит на меня чуть дольше обычного.

После обеда мы перебирали старые фотографии. Мать хотела найти несколько снимков для семейного альбома, который собиралась подарить моей тёте на день рождения.

На одной фотографии я была совсем маленькой. Сидела на коленях у отца, держала в руках игрушечную лошадку и смотрела куда-то в сторону.

— Ты тогда постоянно что-то придумывала, — сказала мать. — Помнишь, как рассказывала, что станешь писательницей?

Я рассмеялась.

— Мне было лет десять.

— И что? В десять лет ты уже знала, чего хочешь.

Я провела пальцем по краю фотографии.

— Дети вообще часто знают, чего хотят.

— А взрослые почему-то забывают.

Я посмотрела на неё.

Мать аккуратно сложила несколько снимков и убрала их в конверт.

— Ты ведь всегда любила истории, Изабель. Отец говорил, что однажды ты напишешь книгу, которую он будет читать первым.

Я почувствовала лёгкую тяжесть в груди.

— Он был слишком уверен во мне.

— Он просто знал тебя.

Мы замолчали.

Я вспомнила отца. Его привычку читать газету за завтраком, очки, которые он постоянно терял, и то, как он мог часами рассказывать о людях, которых встречал в молодости. Он любил вспоминать семейные поездки и часто говорил, что самые важные вещи человек понимает гораздо позже, чем хотелось бы.

После его смерти мать почти перестала рассказывать о прошлом. Иногда мне казалось, что воспоминания стали для неё слишком тяжёлыми.

— Я, возможно, уеду в Португалию, — сказала я.

Она подняла голову.

— Надолго?

— На три месяца. Работа.

— Это далеко.

— Не так уж далеко. Всего несколько часов самолётом.

Мать улыбнулась.

— Тогда, может быть, я тоже когда-нибудь приеду.

— Конечно.

Она посмотрела на меня с неожиданной серьёзностью.

— Поезжай, если тебе хочется.

Я удивилась.

— Ты даже не спросишь, почему?

— А зачем? Ты взрослый человек. И я давно заметила, что ты стала какой-то беспокойной.

Я отвела взгляд.

— Просто много работы.

— Нет, Изабель. Дело не только в работе.

Я ничего не ответила.

Мать взяла мою руку.

— Не откладывай всё, что тебе дорого, на потом. Я знаю, как легко прожить несколько лет, убеждая себя, что ещё успеешь.

В её голосе не было упрёка.

Только усталость человека, который слишком хорошо знает цену времени.

В воскресенье я почти весь день провела дома.

Адриен уехал на встречу с коллегами, а я открыла ноутбук и перечитала письмо от Клэр. В нём были подробности

контракта, условия проживания и краткое описание фонда.

Я несколько раз переходила по ссылкам, смотрела фотографии Порту и читала о районе, где мне предстояло работать.

Потом открыла страницу книжного магазина, которым владел Тома Алмейда.

Магазин назывался «Livraria do Norte». На фотографиях были деревянные стеллажи, старые книги, небольшие столики у окна и узкая лестница, ведущая на второй этаж.

На одном снимке мужчина стоял возле входа, держа в руках стопку книг.

Я задержала взгляд на фотографии, но не стала увеличивать её.

Не потому, что он показался мне особенно интересным.

Просто я вдруг подумала, как странно устроена жизнь. Иногда одно решение, принятое почти случайно, приводит тебя в место, о котором ты раньше даже не задумывалась.

Я закрыла страницу и открыла пустой документ.

Несколько минут смотрела на белый экран.

Потом написала:

«История женщины, которая однажды решила перестать редактировать чужую жизнь».

Я перечитала фразу и невольно улыбнулась.

Она показалась мне слишком очевидной, почти банальной.

Я выделила её и удалила.

Но ощущение осталось.

В понедельник утром я пришла в издательство раньше обычного.

Клэр уже была на месте.

— Ну что? — спросила она, едва увидев меня. — Есть новости?

Я сняла пальто.

— Я согласна.

Она улыбнулась.

— Отлично. Думаю, это будет хороший проект.

— Когда нужно подписать документы?

— Я подготовлю всё сегодня. Если ничего не изменится, ты сможешь вылететь через три недели.

Три недели.

Я ожидала, что после принятия решения почувствую волнение или страх. Но вместо этого ощутила странную ясность.

Впервые за долгое время я не пыталась объяснить себе, почему мне нельзя.

В обеденный перерыв я позвонила Адриену.

— Я приняла предложение, — сказала я.

— Уже?

— Да. Поеду в следующем месяце.

Он помолчал.

— Хорошо. Значит, будем планировать.

— Спасибо, что понимаешь.

— Конечно, Изабель. Я хочу, чтобы тебе было интересно.

Я почувствовала благодарность и одновременно какое-то непонятное одиночество.

Он не пытался меня остановить. Не говорил, что будет скучать, не спрашивал, как мы будем справляться с расстоянием. Возможно, он просто не хотел усложнять разговор.

А возможно, для него наша жизнь действительно была настолько устойчивой, что три месяца разлуки казались не более чем временным неудобством.

Я не знала.

И пока не хотела выяснять.

Вечером, вернувшись домой, я достала из шкафа небольшой чемодан.

Поставила его на кровать и открыла.

Внутри лежали старые вещи, которые я брала в короткие поездки: удобная обувь, несколько платьев, тёплый шарф и косметичка.

Я начала складывать одежду, но быстро остановилась.

До отъезда было ещё три недели.

Вместо того чтобы продолжить, я села на край кровати и посмотрела на комнату.

На прикроватной тумбочке лежала книга Адриена. На стуле висела его рубашка. На полке стояли наши фотографии.

Я не испытывала желания немедленно всё изменить.

Мне по-прежнему был дорог этот человек. Я не могла сказать, что наши отношения стали пустыми или что он пере-

стал быть мне близок.

Но я всё чаще чувствовала, что между нами осталось слишком много невысказанного.

И, возможно, я сама приложила к этому руку.

Я привыкла быть удобной. Не требовать лишнего, не создавать проблем, не задавать вопросов, на которые никто не хочет отвечать.

Иногда мне казалось, что именно так и выглядит зрелая любовь.

Но теперь я уже не была уверена.

Телефон завибрировал.

Сообщение от Клэр:

«Мария очень ждёт твоего приезда. Она сказала, что надеется наконец увидеть человека, который поможет этой истории обрести правильную форму. Завтра пришлю тебе её контакт».

Я перечитала сообщение.

Эта история.

Я ещё ничего о ней не знала. Не представляла, чьи письма мне предстоит читать, почему они сохранились и что именно Мария хочет увидеть в будущей книге.

Но почему-то мне уже хотелось поскорее открыть первую коробку.

Я снова посмотрела на чемодан.

Через три недели я уеду из Парижа. Оставлю привычную квартиру, рабочий стол, воскресные обеды у матери и муж-

чину, с которым делила последние пять лет.

Я не знала, что произойдёт в Порту.

Не знала, понравится ли мне город, найду ли я общий язык с Марией и Томой, смогу ли справиться с архивом.

И уж точно не могла представить, что чужие слова однажды заставят меня по-новому взглянуть на собственную жизнь.

Пока я знала только одно.

Мне предстояло прочитать историю двух людей, которые когда-то не решились сказать друг другу самое важное.

А я, кажется, впервые за долгое время собиралась попробовать не промолчать.

Глава 2. Город, в котором меня никто не знал

Самолёт приземлился в Порту ранним утром, когда город ещё только просыпался.

Я сидела у иллюминатора и смотрела, как под крылом постепенно исчезают облака, открывая холмы, покрытые невысокими домами, узкие улицы и широкую ленту реки. Дору блестела вдалеке, словно кто-то провёл по земле тонкую серебряную линию. С высоты город казался немного неровным, почти небрежным: крыши разной высоты, тесно прижавшиеся друг к другу здания, мосты, пересекающие воду, и бесчисленные окна, за которыми уже начиналась чья-то жизнь.

Я вдруг подумала, что здесь никто не знает, кто я.

Никто не видел меня в редакции с чашкой остывшего кофе. Никто не помнил, как я однажды расплакалась в метро после разговора с Адриеном, а потом целый день делала вид, что ничего не произошло. Никто не знал, что в ящике моего письменного стола лежит незаконченный роман, который я не открывала несколько лет.

В этом была странная свобода.

И не менее странное одиночество.

В аэропорту я получила чемодан, проверила телефон и

увидела сообщение от Адриена.

Надеюсь, ты хорошо долетела. Напиши, когда доберёшься до квартиры. Я сегодня задержусь на работе. Целую.

Я перечитала сообщение дважды. Оно было привычным, заботливым и совершенно правильным. Адриен всегда умел сказать именно то, что от него ожидали. Иногда мне казалось, что мы оба давно научились разговаривать друг с другом так, чтобы не задевать ничего болезненного.

Я ответила:

Всё хорошо. Уже в аэропорту. Напишу позже.

Так начинались наши первые три месяца на расстоянии.

Водитель такси почти не говорил по-английски, поэтому дорога до квартиры превратилась в короткое путешествие без слов. Я смотрела в окно и старалась запоминать улицы.

Порту оказался совсем не таким, каким я представляла его по фотографиям. На снимках он выглядел открыткой: голубое небо, яркие фасады, река, мосты, красные крыши. В действительности город был гораздо более живым и противоречивым. На некоторых зданиях осыпалась штукатурка, бельё сушилось прямо над узкими переулками, старые балконы держались на металлических конструкциях, а рядом с историческими домами появлялись современные витрины и кофейни.

Всё здесь словно существовало одновременно в нескольких временах.

Моя квартира находилась неподалёку от района Седофей-

та, на третьем этаже старого дома с зелёной дверью и узкой лестницей. Её арендовали через фонд на весь срок моей работы. Небольшая спальня, гостиная с деревянным столом, кухня, в которой едва помещались два человека, и балкон с видом на соседние крыши.

Хозяйка, невысокая женщина по имени Тереза, встретила меня у входа.

— Вы Изабель?

— Да. Здравствуйте.

Она говорила медленно, иногда переходя на французский, который знала благодаря дочери, учившейся в Лионе.

— Добро пожаловать. Надеюсь, вам здесь понравится. Только не пугайтесь соседей сверху. У них двое маленьких детей, и они считают, что пол — это место для бега.

Я рассмеялась.

— Думаю, после парижской квартиры с тонкими стенами меня трудно удивить.

Тереза показала, где находятся выключатели, как пользоваться старым водонагревателем и куда выносить мусор. Перед уходом она оставила на столе связку ключей и небольшую бумажку с телефоном.

— Если что-то понадобится, звоните. И ещё… — Она задержалась у двери. — По утрам здесь лучше открывать окна. В доме иногда пахнет сыростью, но городский воздух помогает.

Когда дверь за ней закрылась, я осталась одна.

Поставила чемодан у стены, сняла пальто и медленно прошла по комнатам. На кухонном столе лежала папка с документами от фонда, а рядом — небольшой букет белых цветов. Вероятно, кто-то из сотрудников позаботился о том, чтобы моё прибытие не казалось слишком официальным.

Я открыла балконную дверь.

С улицы доносились голоса, шум машин, звон посуды из ближайшего кафе. Где-то внизу женщина разговаривала по телефону, а мужчина в синей куртке пытался пристроить велосипед к металлической ограде. На противоположном балконе пожилая соседка поливала цветы.

Я вдохнула прохладный воздух.

В Париже моё утро обычно начиналось с будильника, списка дел и быстрых сообщений. Здесь никто не ждал от меня немедленного ответа. Мне не нужно было объяснять, почему я задержалась, что собираюсь делать вечером и когда вернусь домой.

Я могла просто стоять у окна.

И всё же через несколько минут достала телефон и написала Адриену:

Квартира хорошая. Немного старомодная, но уютная. Кажется, мне здесь понравится.

Он ответил почти сразу:

Я рад. Скинь фотографии, когда будет время. И не забудь нормально поесть после дороги.

Я улыбнулась.

Адриен заботился обо мне. Это было правдой. И, возможно, именно поэтому мне было так трудно признаться самой себе, что одной заботы иногда недостаточно.

Первый день я решила посвятить городу.

Распаковала вещи, приняла душ, переоделась и вышла на улицу. Мне нужно было купить продукты, найти ближайшую аптеку и понять, как добираться до фонда. Но очень скоро практические задачи перестали казаться важными.

Порту не позволял идти быстро.

Улицы то поднимались, то резко уходили вниз. Каменные ступени соединяли разные уровни города, а за очередным поворотом неожиданно открывался вид на черепичные крыши. На фасадах домов я замечала традиционные синие и белые плитки — азулежу. Одни изображали цветы и геометрические узоры, другие складывались в целые картины.

Я остановилась возле небольшой церкви и долго рассматривала её стены.

Мне нравилось, что здесь красоту не пытались сделать безупречной. Она соседствовала с трещинами, потемневшими дверями, облупившейся краской. Казалось, город ничего не скрывал от тех, кто был готов смотреть внимательно.

На одной из площадей я купила кофе и булочку с корицей. Продавец улыбнулся, услышав мой неуверенный португальский.

— Bom dia, — произнесла я, вспомнив единственную фразу, которую успела выучить перед поездкой.

— Muito bom, — ответил он с улыбкой. — Очень хорошо.

Я села за маленький столик у окна и достала блокнот.

В Париже я почти перестала писать от руки. Все рабочие заметки существовали в электронном виде, а личные мысли чаще всего оставались в голове. Но здесь мне захотелось записать несколько строк.

Порту не похож на место, куда приезжают, чтобы начать сначала. Скорее, он похож на место, где можно наконец услышать то, что долго заглушал.

Я посмотрела на написанное и закрыла блокнот.

Фраза показалась мне слишком красивой для обычного утра. Но я не стала её вычёркивать.

На следующий день я впервые приехала в фонд.

Он располагался в старом здании неподалёку от центра, на тихой улице, где первые этажи занимали небольшие мастерские и антикварные лавки. На входной двери висела латунная табличка с названием учреждения. Внутри пахло деревом, бумагой и чем-то едва уловимо сладким — возможно, старым воском для мебели.

Меня встретила Клэр Дюваль, прилетевшая накануне из Парижа. Она уже успела познакомиться с руководством фонда и выглядела так, словно провела здесь не один день.

— Ну наконец-то! — сказала она, обнимая меня. — Как тебе город?

— Пока я знаю только дорогу от квартиры до кофейни.

— Значит, у тебя ещё всё впереди.

Клэр была из тех людей, которые умели чувствовать себя на новом месте через несколько минут после приезда. Она легко заводила знакомства, быстро запоминала имена и никогда не боялась спросить о том, чего не понимала.

Мы прошли по коридору в небольшую комнату, где стояли стеллажи с архивными коробками. На длинном столе лежали папки, конверты и несколько раскрытых тетрадей.

— Вот наша главная задача, — сказала Клэр. — Частная переписка, которую Мария передала фонду несколько месяцев назад. Часть документов уже описана, но многие письма требуют расшифровки и перевода. Есть французский, португальский, немного испанского. Письма охватывают несколько десятилетий.

Я подошла ближе.

На столе лежали конверты разных размеров. Некоторые были пожелтевшими, другие сохранили почти первоначальный цвет. На нескольких стояли почтовые штемпели, но большинство выглядели так, словно никогда не покидали своего владельца.

— Их много?

— Больше, чем мы предполагали. И не все документы одинаково хорошо сохранились. Некоторые написаны карандашом, некоторые — на тонкой бумаге. Нам важно не просто перевести текст, но и сохранить интонацию автора.

Я кивнула.

Для меня это было привычной работой. Я знала, как осто-

рожно обращаться с чужим текстом, как не разрушить его индивидуальность чрезмерной редактурой. Но архивы отличались от рукописей, с которыми я обычно работала. Здесь нельзя было связаться с автором, уточнить значение фразы или спросить, что он имел в виду.

Человек, написавший письмо, мог давно умереть.

Или прожить долгую жизнь, ни разу не узнав, что его слова сохранились.

— Мария уже здесь? — спросила я.

— Да. Она приходит почти каждый день, хотя мы не требуем от неё присутствия. Сегодня должна быть после полудня.

Клэр открыла папку и показала мне предварительный каталог.

— Пока мы не знаем, как лучше представить этот материал. Возможно, отдельной книгой. Возможно, несколькими тематическими сборниками. Но есть одна особенность: Мария попросила не публиковать ничего без её согласования.

— Это понятно. Если архив принадлежал семье, она имеет право участвовать в решении.

— Именно. Только иногда мне кажется, что она сама не уверена, что хочет увидеть эти письма напечатанными.

Я посмотрела на коробки.

— Может быть, дело не в публикации.

Клэр перевела на меня взгляд.

— А в чём?

— Иногда человек сохраняет письма не потому, что хочет рассказать о них другим. Возможно, ему важно, чтобы они просто существовали.

Клэр несколько секунд молчала, потом улыбнулась.

— Вот поэтому я и настояла, чтобы отправили именно тебя.

Я отвела взгляд, не зная, как реагировать на комплимент.

Мария пришла после обеда.

Я услышала её голос ещё в коридоре — спокойный, немного хрипловатый. Она разговаривала с сотрудницей фонда на португальском, иногда делая паузы, словно подбирала наиболее точные слова.

Когда Мария вошла в комнату, я сразу заметила её руки. Тонкие пальцы, аккуратно сложенные на ручке сумки, и несколько старых колец. Она была невысокой, с серебристыми волосами, собранными на затылке. На ней было тёмно-синее платье и светлый кардиган.

— Это Изабель, — представила нас Клэр. — Она будет заниматься основным корпусом писем.

Мария протянула мне руку.

— Очень рада познакомиться.

Её французский оказался прекрасным. Только некоторые слова она произносила с мягким португальским акцентом.

— Я тоже очень рада.

— Вы уже успели увидеть Порту?

— Немного. Пока стараюсь не заблудиться.

Мария улыбнулась.

— Это бесполезное занятие. Здесь можно прожить всю жизнь и всё равно однажды свернуть не на ту улицу.

— Тогда, наверное, это хороший город для долгой жизни.

— Возможно, — тихо ответила она.

В её голосе прозвучало что-то, что я не сразу смогла определить. Не грусть, скорее воспоминание, которое не захотелось продолжать.

Мы сели за стол. Клэр объяснила Марии план работы, сроки и предварительные этапы подготовки материалов. Мария слушала внимательно, задавала вопросы о переводе, оформлении и порядке публикации.

— Я хочу, чтобы письма не потеряли свой голос, — сказала она в какой-то момент. — Особенно те, которые написаны давно. Тогда люди иначе выражали чувства. Не всегда прямо. Иногда одно предложение могло означать гораздо больше, чем целая страница.

— Мы постараемся сохранить это, — ответила я.

— Вы ведь редактор?

— Да. Уже около пятнадцати лет.

— И вам нравится ваша работа?

Вопрос прозвучал неожиданно просто.

Я посмотрела на Клэр, потом снова на Марию.

— Да. В большинстве случаев.

— А в остальных?

Я невольно улыбнулась.

— В остальных я пытаюсь убедить себя, что это временно.

Мария кивнула, будто поняла больше, чем я сказала.

— Человек может очень долго жить с временным решением, — произнесла она. — Иногда даже не замечая, как оно становится постоянным.

Клэр перевела взгляд с неё на меня.

— Кажется, у нас сегодня философское собрание.

Мы рассмеялись, и напряжение немного исчезло.

Перед уходом Мария задержалась возле стола, где лежали коробки.

— Есть одна просьба, Изабель.

— Конечно.

— Если вы найдёте письма, которые не имеют даты или адреса, не спешите относить их к неразобранным. Некоторые из них оставались здесь намеренно.

— То есть их не собирались отправлять?

— Возможно.

Она осторожно коснулась края одной из коробок.

— Но это не значит, что их не хотели прочитать.

Я посмотрела на неё, ожидая продолжения, однако Мария лишь поправила ремешок сумки.

— До завтра, — сказала она.

И ушла.

В тот вечер я вернулась домой поздно.

На улице моросил дождь, и камни под ногами блестели в свете фонарей. Я купила продукты в маленьком магазине,

приготовила пасту и села за стол с ноутбуком.

Адриен позвонил в половине девятого.

— Ну как первый полноценный день? — спросил он.

— Хорошо. Очень много документов. И я познакомилась с Марией.

— С той самой женщиной, которая передала архив?

— Да. Она интересная. Немного загадочная, хотя, возможно, это просто впечатление от первого знакомства.

— Что за архив? Ты уже поняла, с чем придётся работать?

Я рассказала ему о письмах, коробках и разных языках. О том, что часть переписки может оказаться особенно личной и что Мария просила внимательно относиться к материалам, которые ещё не были подготовлены к публикации.

Адриен слушал, иногда задавая вопросы.

— Звучит увлекательно, — сказал он. — Хотя я всегда думал, что ты больше любишь современные тексты.

— Я люблю хорошие тексты. Неважно, когда они написаны.

— Справедливо.

Он помолчал.

— Я скучаю по тебе.

Эти слова прозвучали спокойно, без упрёка. И я почувствовала знакомое тепло, смешанное с лёгкой виной.

— Я тоже.

— Квартира без тебя кажется слишком большой.

— Ты можешь наконец разобрать шкаф в кабинете.

— Не думаю, что это достойная замена твоему присутствию.

Я засмеялась.

На мгновение между нами снова возникла прежняя близость — та, которая когда-то была естественной и не требовала усилий.

— Когда ты вернёшься в Париж, мы обязательно съездим на Комо, — сказал он. — Я уже посмотрел несколько отелей.

— Давай не будем пока ничего бронировать.

— Хорошо. Просто подумал, что нам нужно что-то запланировать.

Я посмотрела на окно. За стеклом отражалась моя кухня, а за ней темнели крыши домов.

— Адриен, иногда мне кажется, что мы всё время что-то планируем.

— Разве это плохо?

— Нет. Просто… мне хочется иногда не знать, что будет дальше.

Он не ответил сразу.

— Ты устала после дороги, — наконец сказал он. — Не будем сейчас об этом.

Я не стала спорить.

Мы попрощались, пожелали друг другу спокойной ночи, и экран погас.

Я ещё некоторое время сидела за столом, слушая дождь.

Мне было жаль, что даже в разговоре с человеком, кото-

рого я любила, я не всегда могла произнести то, что действительно думала.

На следующий день я впервые осталась в архивной комнате одна.

Клэр уехала на встречу с руководством фонда, а Мария предупредила, что придёт позже. Мне предстояло составить подробный список документов и определить, какие материалы требуют дополнительной обработки.

Я надела тонкие хлопковые перчатки и открыла первую коробку.

Внутри лежали фотографии, несколько открыток, счета, старые приглашения и письма, перевязанные выцветшей лентой. Я начала с самого простого — сортировала документы по примерным датам и языку.

Работа требовала сосредоточенности.

Время от времени я находила небольшие детали, которые заставляли задержаться. Старую открытку с видом Парижа, на обороте которой было написано всего два слова. Фотографию женщины в летнем платье, стоявшей на фоне незнакомого мне здания. Конверт с французским адресом, перечёркнутым синей ручкой.

Я не пыталась угадывать истории. Для этого было слишком рано.

Но чем дольше я работала, тем отчётливее чувствовала, что архив не похож на обычное собрание семейных документов. В нём было много незавершённости. Слова обрыва-

лись, даты отсутствовали, адреса перечёркивались, а некоторые письма складывались обратно в конверты так аккуратно, словно их собирались перечитать.

Ближе к вечеру я добралась до небольшой папки, лежавшей отдельно от остальных.

На обложке не было ни имени, ни даты. Только короткая надпись карандашом:

Не включать в общий каталог до отдельного просмотра.

Я вспомнила просьбу Марии не торопиться с письмами без адресов.

Открывать папку без её разрешения мне не хотелось. Я отложила её в сторону и вернулась к документам.

Но прежде чем закрыть коробку, заметила под папкой тонкий конверт.

Он был почти белым, с немного пожелтевшими краями. На лицевой стороне не было адреса, только аккуратная надпись на французском:

Для того, кто однажды захочет понять.

Я замерла.

Фраза могла быть просто частью чьей-то личной переписки. Но в ней было что-то необычное — словно автор обращался не к конкретному человеку, а к тому, кто найдёт письмо спустя годы.

Я осторожно перевернула конверт.

Он оказался запечатанным.

Несколько секунд я смотрела на него, пытаясь решить,

стоит ли положить его обратно или отметить отдельно. В конце концов записала номер коробки и краткое описание в рабочий блокнот.

Открывать его без согласования я не собиралась.

Когда Мария появилась в дверях, я как раз заканчивала записи.

— Вы сегодня задержались, — сказала я.

— Иногда мне нужно немного времени, прежде чем прийти сюда.

Она сняла пальто и повесила его на спинку стула.

— Вы нашли что-нибудь интересное?

Я рассказала о папке и конверте. Мария внимательно выслушала, а когда я произнесла фразу на лицевой стороне, её лицо едва заметно изменилось.

Это было почти незаметное движение: на мгновение она перестала улыбаться, а пальцы, державшие очки, сжались чуть сильнее.

— Вы открывали его? — спросила она.

— Нет. Я решила сначала показать вам.

Мария опустила взгляд на стол.

— Правильно сделали.

Она подошла ближе, но не стала брать конверт.

— Такие письма лучше не читать в спешке, — сказала она.

— Вы знаете, кому оно адресовано?

Мария долго смотрела на надпись.

— Я знаю, почему оно осталось здесь.

— И почему?

Она подняла глаза.

— Потому что иногда человек пишет письмо не для того, чтобы его отправили. Он пишет его, чтобы однажды перестать бояться собственных слов.

Я не стала задавать следующий вопрос.

Мария осторожно положила конверт обратно в папку.

— Завтра я расскажу вам немного больше об истории этого архива, — сказала она. — Но сегодня, думаю, достаточно.

Она ушла раньше обычного.

Я осталась за столом, глядя на закрытую папку.

За окном темнело. В коридоре слышались шаги сотрудников фонда, где-то щёлкнул выключатель, и здание постепенно погружалось в вечернюю тишину.

В тот момент я впервые подумала, что приехала сюда не просто для того, чтобы подготовить старую переписку к публикации.

Возможно, эти письма действительно ждали своего читателя.

А возможно, мне самой предстояло научиться читать не только чужие слова, но и то, что годами оставалось невысказанным в моей собственной жизни.

Я закрыла блокнот, выключила настольную лампу и вышла на улицу.

Порту встретил меня влажным воздухом, светом окон и

негромким шумом вечернего города. Я шла домой медленно, не пытаясь запомнить дорогу.

Впервые за долгое время мне не хотелось торопиться туда, где меня ждали.

Мне хотелось узнать, что будет дальше.

Глава 3. Письма без адреса

Утром я проснулась раньше будильника.

За окном было пасмурно. Небо над Порту приобрело тот особенный серый оттенок, который бывает перед дождём, когда город кажется немного тише обычного. На крыше соседнего дома сидела чайка, неподвижная и совершенно равнодушная к ветру. Я долго смотрела на неё, пока не вспомнила о вчерашнем конверте.

Для того, кто однажды захочет понять.

Фраза не выходила у меня из головы.

Я привыкла работать с чужими историями, но никогда прежде не испытывала такого любопытства к нескольким словам на старом конверте. Возможно, дело было в самой надписи. В ней не было ни обращения, ни имени, ни даты. Только странное обещание, адресованное неизвестному человеку.

Я приготовила кофе, открыла ноутбук и проверила почту. Из редакции пришло два письма, одно из которых требовало моего ответа. Клэр прислала расписание встреч на следующую неделю. Адриен написал, что забронировал столик в ресторане на субботу — для нас обоих, хотя я находилась в Порту.

Я улыбнулась, представив, как он сидит за нашим кухонным столом в Париже, выбирает ресторан и убеждает себя,

что расстояние ничего не меняет.

Я сохраню бронь. Вдруг ты сможешь приехать на выходные?

Я посмотрела на календарь. В субботу мне предстояла встреча с Марией, а потом работа с архивом. Теоретически я могла бы прилететь в Париж, но сама мысль о возвращении на два дня почему-то показалась утомительной.

Пока не знаю. Давай решим ближе к выходным.

Ответ Адриена пришёл не сразу.

Хорошо. Не хочу тебя отвлекать.

Я закрыла переписку и почувствовала знакомое беспокойство. Мы оба были вежливы друг с другом даже тогда, когда хотелось сказать что-то совсем другое.

В фонд я пришла около десяти.

Мария уже ждала меня в небольшой комнате для работы с документами. Перед ней стояла чашка чая, рядом лежала та самая папка без названия.

— Доброе утро, — сказала я.

— Доброе утро, Изабель. Вы хорошо спали?

— Да. А вы?

— Не всегда, — ответила она с лёгкой улыбкой. — Но сегодня, кажется, лучше, чем обычно.

Я сняла пальто и села напротив.

Мария некоторое время рассматривала папку, словно решала, с чего начать разговор.

— Я обещала рассказать вам об архиве, — произнесла она

наконец. — Думаю, сначала нужно объяснить, откуда он появился.

— Я слушаю.

— Эти письма принадлежали двум людям. Они знали друг друга очень давно. Их история началась задолго до того, как большинство документов оказалось в моей семье.

— Вы были с ними знакомы?

Мария подняла на меня глаза.

— С одним из них — очень близко. Второго я знала гораздо меньше, хотя он тоже был частью нашей жизни.

Она говорила спокойно, не стараясь произвести впечатление. Но в её голосе чувствовалась осторожность человека, который слишком долго хранил определённые воспоминания.

— Почему письма оказались у вас?

— Потому что однажды мне их передали. Не все сразу. Некоторые я получила гораздо позже, когда уже думала, что больше ничего не узнаю об этой истории.

— А авторы знали, что вы храните переписку?

Мария чуть заметно улыбнулась.

— Думаю, один из них знал. Другой, возможно, никогда бы не согласился.

Я не стала уточнять.

— В каталоге мы пока обозначили письма по датам и языкам, — сказала я. — Но некоторые документы трудно связать между собой. Особенно те, у которых нет адресов.

— Это неудивительно. Они не всегда отправлялись.

— Значит, часть писем осталась у авторов?

— Да. Иногда люди писали, складывали листы, убирали их в конверты и оставляли в ящике. Иногда переписывали одно и то же письмо несколько раз. Бывали случаи, когда отправляли только часть написанного.

— Почему?

Мария посмотрела на меня.

— Вы ведь знаете, Изабель, что письмо можно не отправить по разным причинам. Страх, гордость, обстоятельства. Иногда человек просто не уверен, что имеет право тревожить другого.

Я вспомнила собственные сообщения Адриену, которые начинала писать и стирала, прежде чем нажать кнопку отправки.

— А иногда, — продолжила Мария, — он убеждает себя, что молчание будет добрее.

Я опустила глаза на папку.

— Вы хотите, чтобы мы сохранили все варианты?

— Если они не повреждены, да. Даже те, которые кажутся повторениями. Особенно их.

Я открыла блокнот и записала это в рабочие заметки.

— Хорошо. Тогда я буду отмечать каждую версию отдельно.

Мария кивнула.

— Спасибо.

Она помолчала, затем добавила:

— Только я хотела бы попросить вас об одном. Не пытайтесь сразу понять, кто из них был прав.

Я подняла голову.

— Я не собиралась судить.

— Все так говорят. Но когда читаешь письма, начинаешь выбирать сторону. Особенно если одно из них написано с большой болью.

— А вы выбирали?

Мария задумалась.

— Очень долго.

В её ответе было что-то настолько личное, что я почувствовала неловкость. Мне хотелось спросить, изменила ли она своё мнение со временем, но я не решилась.

Вместо этого мы приступили к работе.

Папка содержала около тридцати писем, открыток и отдельных листов. Часть была написана по-французски, часть — по-португальски. Почерк отличался: один был мелким, почти угловатым, другой — округлым, с длинными соединительными линиями.

Я разложила документы на столе и начала с самого раннего.

Это была короткая записка, написанная на плотной бумаге. Внизу стояла дата — 1958 год.

Я снова прошёл мимо того места, где мы разговаривали в последний раз. Там теперь другая вывеска, но я всё равно

помню, как ты смеялась, когда пошёл дождь. Мне кажется, я помню даже то, что ты тогда не сказала.

Я перечитала фразу.

Она была простой, почти будничной, но в ней уже чувствовалось присутствие человека, который пытался удержать прошлое через мелочи.

Следующее письмо оказалось длиннее. Оно было адресовано женщине, но имя в верхней части листа было зачёркнуто. В тексте автор рассказывал о переезде, новой работе и доме, который оказался слишком большим для одного человека.

Я думал, что расстояние поможет мне привыкнуть к твоему отсутствию. Но оно только научило меня точнее измерять то, чего мне не хватает.

Я сделала пометку на полях.

В третьем письме дата отсутствовала. Автор писал о семейном ужине, о матери, которая задавала слишком много вопросов, и о том, что однажды придётся объяснить близким собственный выбор.

В этих письмах не было ничего необычного. Никаких громких признаний, драматических обещаний или красивых прощаний. Люди говорили о погоде, работе, знакомых, поездках. Но между строк оставалось то, что они не могли произнести прямо.

Я постепенно переставала воспринимать документы как отдельные тексты. Они складывались в последовательность,

хотя пока и не позволяли понять, что именно происходило между двумя людьми.

Ближе к полудню в комнату вошла Клэр.

— Как продвигается работа?

— Хорошо. Кажется, мы начинаем понимать структуру архива.

Она подошла к столу и посмотрела на разложенные листы.

— Уже есть что-нибудь интересное?

— Пока только фрагменты. Но я думаю, важно сохранить даже те письма, которые не были отправлены.

— Мария сказала тебе об этом?

— Да.

Клэр взяла один из конвертов, но не стала открывать.

— Она очень дорожит этой перепиской.

— Мне кажется, для неё это не просто документы.

— Конечно. Она передала фонду часть семейной истории. Думаю, это было непростое решение.

Я посмотрела на папку.

— Ты знаешь, почему она так долго не решалась?

— Не совсем. Мы несколько раз обсуждали публикацию, но Мария всегда возвращалась к одному и тому же: она не хочет, чтобы чужие люди читали эти письма как развлекательную историю о несчастной любви.

— Я понимаю её.

— И всё же она согласилась передать их нам.

— Возможно, ей хочется, чтобы кто-то наконец услышал

то, что долго оставалось только в семье.

Клэр задумалась.

— Возможно.

Она положила конверт на место.

— Кстати, сегодня вечером я собираюсь пройтись по центру. Если хочешь, можем поужинать вместе.

— С удовольствием.

— Тогда встретимся около семи. Я пришлю адрес.

Когда Клэр ушла, я снова вернулась к письмам.

Но теперь мне всё чаще приходила мысль, что Мария не просто охраняет семейную память. Она словно пытается сохранить определённое представление о прошлом — такое, в котором каждый поступок имел причину, а каждое молчание было оправдано.

Я знала, как легко человек привыкает к собственной версии событий.

Иногда она становится единственной, с которой можно продолжать жить.

В середине дня я нашла первый документ, который заставил меня остановиться.

Это был лист из небольшого блокнота, вырванный неаккуратно, по краю сохранились следы клея. На нём было написано всего несколько строк:

Я хотел прийти. Несколько раз доходил до перекрёстка и возвращался обратно. Ты, наверное, решила, что мне всё равно. Я не знаю, как объяснить тебе, что иногда страх

выглядит точно так же, как равнодушие.

Я перечитала текст дважды.

Затем посмотрела на предыдущие письма. Почерк совпадал с тем, что был на записке 1958 года.

Я отметила документ отдельным номером и указала, что он, вероятно, относится к той же переписке.

За окном начался дождь. Капли стекали по стеклу, оставляя неровные дорожки. Я отодвинула стул и подошла к окну.

Мне вспомнилось, как однажды Адриен ждал меня возле театра почти час. Я опоздала из-за редакционной встречи, а когда наконец появилась, он сказал, что уже хотел уйти. Я тогда рассердилась, решив, что он не умеет быть терпеливым. Позже он признался, что боялся показаться навязчивым и не хотел звонить каждые пять минут.

Тогда я не придала этому значения.

Сейчас же подумала, как часто люди ошибаются в чужих чувствах, потому что видят только поступки.

Я вернулась к столу и продолжила работу.

Вечером мы с Клэр встретились в небольшом ресторане на улице Мигела Бомбарды.

Внутри было тепло, пахло запечённой рыбой, чесноком и свежим хлебом. За соседним столиком разговаривали две пожилые женщины, а у окна молодая пара делила десерт из одной тарелки.

Клэр заказала местное вино, я предпочла воду.

— Ну что, — сказала она, раскладывая салфетку на коле-

нях, — как тебе наша новая жизнь?

— Пока она состоит из архивных коробок и длинных лестниц.

— Это уже лучше, чем парижские совещания.

Я улыбнулась.

— Не знаю. В Париже хотя бы я понимала, куда иду.

— А здесь?

Я посмотрела на неё.

— Здесь я пока не уверена.

Клэр не стала смеяться.

— Мне кажется, это хорошее состояние для начала чего-то нового.

— Ты всегда так говоришь, когда не знаешь, что посоветовать?

— Нет. Иногда я просто говорю правду.

Мы заказали ужин. Некоторое время обсуждали работу, потом разговор перешёл на издательство. Клэр рассказала, что один из авторов снова перенёс срок сдачи рукописи, а я призналась, что уже несколько лет не пишу ничего собственного.

— Ты ведь начинала роман, — сказала она.

— Откуда ты знаешь?

— Ты однажды рассказывала. Кажется, ещё до того, как стала руководить редакторской группой.

Я удивилась, что она помнит.

— Он так и лежит в столе.

— Почему?

Я пожала плечами.

— Сначала не хватало времени. Потом мне перестал нравиться текст. А потом я решила, что у меня нет ничего достаточно интересного, чтобы писать.

— Это звучит не очень убедительно.

— Зато привычно.

Клэр посмотрела на меня поверх бокала.

— Изабель, ты редактируешь чужие книги пятнадцать лет. Ты знаешь, как исправить чужую неуверенность, но почему-то не позволяешь себе даже начать.

— Редактировать проще. Там уже есть история.

— А у тебя её нет?

Я не ответила.

За окном проехал трамвай. Его свет на несколько секунд скользнул по стенам ресторана.

— Может быть, — произнесла я наконец. — Я просто слишком долго ждала подходящего момента.

— А он когда-нибудь наступает сам?

Я улыбнулась, но ничего не сказала.

Клэр сменила тему, и я была ей благодарна. Не хотелось превращать обычный ужин в разговор о жизни, к которому я сама ещё не была готова.

Домой я возвращалась пешком.

Дождь закончился, но воздух оставался влажным. Улицы блестели под фонарями, из открытых окон доносилась му-

зыка. Где-то вдалеке слышался гул автомобилей, а возле маленького бара несколько мужчин разговаривали, стоя у входа.

Я шла медленно, вспоминая письма.

В них было что-то болезненно знакомое. Не сама история — я ещё почти ничего о ней не знала, — а привычка оставлять важное на потом. Убедить себя, что можно поговорить завтра, написать позже, вернуться к человеку, когда всё станет проще.

Мне казалось, что я всегда поступала иначе. Я не любила громких сцен, не стремилась к драме, старалась не принимать решений на эмоциях. Но постепенно начинала понимать: иногда осторожность становится способом ничего не менять.

Когда я поднялась в квартиру, на телефоне было сообщение от Адриена.

Я сегодня был в том ресторане, который тебе нравится. Они снова приготовили твой любимый десерт. В следующий раз обязательно пойдём вместе.

Я села на край дивана.

Наш любимый ресторан. Наши выходные. Наша поездка на Комо. Наши планы, которые всегда выглядели вполне счастливыми.

Я написала:

Жаль, что меня сегодня там не было.

Он ответил:

Мне тоже.

Я отложила телефон и открыла блокнот, который привезла из Парижа. На первой странице всё ещё оставалась старая запись — начало моего романа. Несколько предложений, написанных семь лет назад.

Я прочитала их, и мне стало немного неловко. Фразы были слишком длинными, героиня казалась искусственной, а начало — неуверенным.

Но я не закрыла блокнот.

Вместо этого перевернула страницу и написала:

Иногда молчание кажется человеку самым безопасным поступком. Он не понимает, что однажды ему придётся жить внутри этого молчания.

Я перечитала написанное.

Потом закрыла блокнот и положила его на стол, а не обратно в ящик.

На следующий день Мария пришла в фонд ближе к полудню.

Я уже успела обработать часть документов и подготовила список писем, которые требовали уточнения. Она внимательно просмотрела мои заметки, остановилась на нескольких датах и попросила изменить порядок двух конвертов.

— Вы очень аккуратно работаете, — сказала она.

— Стараюсь.

— Мне нравится, что вы не торопитесь делать выводы.

— Пока для них недостаточно информации.

Мария улыбнулась.

— Это хорошее качество. Особенно когда речь идёт о людях.

Она положила листы на стол.

— Вы нашли тот конверт?

Я кивнула и достала его из отдельной папки.

Мария долго смотрела на надпись.

— Я помню, когда впервые увидела эти слова, — произнесла она. — Мне было немного больше двадцати. Тогда я решила, что это просто красивая фраза.

— А сейчас?

— Сейчас я думаю, что автор знал, о чём писал.

Она осторожно перевернула конверт, провела пальцем по краю и вернула его мне.

— Вы разрешаете открыть его? — спросила я.

Мария задумалась.

— Пока нет.

— Хорошо.

— Не потому, что там что-то страшное. Просто я хочу сначала найти ещё несколько документов. Они помогут понять, к какому времени относится это письмо.

Я кивнула.

— Тогда оставим его закрытым.

Мария поблагодарила меня и перешла к другим материалам.

Мы работали почти час, прежде чем она заговорила снова.

— Изабель, вы когда-нибудь сожалели о письме, которое не отправили?

Я подняла глаза.

Вопрос прозвучал так естественно, словно она спросила, люблю ли я кофе.

— Наверное, да. Но не уверена, что это было настоящее письмо.

— Что вы имеете в виду?

— Иногда я писала что-то человеку, а потом стирала. Не потому, что передумала. Просто не знала, что делать с ответом.

Мария медленно кивнула.

— Это тоже письмо.

Я улыбнулась.

— Тогда, наверное, у меня их много.

Она посмотрела на меня с мягкой грустью.

— У многих так.

После этого мы вернулись к работе.

Но перед уходом Мария вдруг остановилась у двери.

— Завтра я принесу ещё одну коробку. Она долго хранилась отдельно от остальных.

— Там тоже письма?

— Да. И несколько фотографий.

— Хорошо. Я подготовлю место.

Мария кивнула и вышла.

Я проводила её взглядом, потом посмотрела на архивные

коробки, стоявшие вдоль стены.

Мне всё чаще казалось, что я нахожусь в середине чужого разговора, начавшегося задолго до моего рождения. Я ещё не знала имён, не понимала причин и не могла представить, чем закончилась эта история.

Но уже чувствовала: за каждым неотправленным письмом стояло решение.

Иногда принятое из любви. Иногда из страха. Иногда из желания уберечь другого человека.

А иногда — из нежелания отвечать за собственное счастье.

Вечером, прежде чем уйти, я ещё раз посмотрела на закрытый конверт.

Для того, кто однажды захочет понять.

Я выключила свет и заперла комнату.

На улице снова начинался дождь. Я раскрыла зонт и пошла к остановке, чувствуя, как город постепенно становится менее чужим.

Впервые за долгое время мне хотелось не просто наблюдать за чужой жизнью, а понять, что именно удерживает людей от слов, которые могли бы изменить всё.

И почему иногда мы храним молчание гораздо бережнее, чем любовь.

Глава 4. Мужчина из книжного магазина

В тот день я впервые за долгое время опоздала на работу не потому, что задержалась дома, а потому, что не заметила, как пролетело утро.

Порту постепенно входил в мою жизнь. Я уже знала, в какой кофейне подают самый крепкий эспрессо, где можно купить свежий хлеб и на какой улице лучше не сокращать путь, если не хочется подниматься по бесконечным лестницам. Я научилась различать звон трамвая и шум автобуса, привыкла к голосам соседей и даже перестала просыпаться от детского топота этажом выше.

Но город всё ещё оставался для меня незнакомцем, с которым я только начинала разговор.

В тот четверг дождь шёл с самого утра. Я вышла из квартиры без зонта, решив, что успею добраться до фонда прежде, чем погода испортится окончательно. Однако уже через несколько минут небо потемнело, и мне пришлось спрятаться под навесом небольшой кондитерской.

Я посмотрела на часы. До встречи с Клэр оставалось почти сорок минут.

Можно было вызвать такси, но я решила подождать. Впереди по улице виднелась вывеска книжного магазина.

Небольшая, деревянная, с выцветшими буквами.

Livraria do Norte.

Я вспомнила, что Клэр упоминала это место. Именно там Тома Алмейда помогал фонду с каталогизацией старых изданий и иногда принимал документы, которые требовали особого внимания.

До этого дня я знала о нём только то, что он владел книжным магазином, хорошо разбирался в старой португальской литературе и был знаком с Марией.

Я решила зайти.

Не потому, что хотела познакомиться. Скорее, мне просто хотелось переждать дождь среди книг.

Внутри оказалось теплее, чем на улице.

Магазин был небольшим, но глубоким. Узкие проходы между стеллажами, высокие полки до самого потолка, старый деревянный пол, который тихо поскрипывал под ногами. У окна стояли два кресла, а возле кассы лежала стопка книг, перевязанных бечёвкой.

Пахло бумагой, кофе и древесиной.

Я сняла мокрый шарф и огляделась.

На одной из стен висели старые фотографии Порту. На другой — небольшая карта города, испещрённая карандашными отметками. Я подошла к полке с французской литературой и провела пальцем по корешкам.

— Если вы ищете что-то конкретное, я могу помочь.

Я обернулась.

Мужчина стоял за прилавком, держа в руках открытую книгу. Высокий, с тёмными волосами, немного тронутыми сединой у висков. На нём была светлая рубашка с закатанными рукавами и тёмный жилет. Лицо спокойное, внимательное, без привычной для продавцов улыбки, которая должна располагать покупателя.

— Пока я просто смотрю, — ответила я.

— Это тоже хороший способ выбирать книги.

Он закрыл книгу и положил её на прилавок.

— Вы говорите по-французски?

— Да. Немного. Хотя, если вы не против, я предпочла бы английский. Мой португальский пока ограничивается приветствиями и заказом кофе.

Мужчина улыбнулся.

— Тогда вы уже знаете самое необходимое.

— Не уверена. Вчера я попыталась спросить дорогу и в итоге получила подробную рекомендацию по поводу местной выпечки.

— Возможно, вам ответили именно на тот вопрос, который вы должны были задать.

Я рассмеялась.

Он подошёл ближе и остановился возле полки.

— Вы ищете что-нибудь из португальских авторов?

— Скорее пытаюсь понять, с чего начать.

— Тогда всё зависит от того, что вы любите читать.

— Хорошо написанные истории о людях, которые не все-

гда понимают самих себя.

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Это довольно широкая категория.

— Знаю. Поэтому и пришла в книжный магазин, а не стала выбирать по обложке.

— Разумное решение.

Он достал с полки тонкую книгу в тёмно-синей обложке.

— Попробуйте эту. Не самая известная, но мне кажется, она вам подойдёт.

Я прочитала название и имя автора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.